

ЕЛЕНА КРЫЛОВА

ХОРЬЯ ФАБРИКА

16+

Елена Крылова
Хорья фабрика

«Автор»

2020

Крылова Е. М.

Хорья фабрика / Е. М. Крылова — «Автор», 2020

Если дверь не заперта, значит ли это, что за ней кто-то ждет? Девушка Майя, которая ничего не помнит о себе, кроме собственного имени и того, что она вошла в незнакомую дверь, оказывается в месте, больше похожем на сон. Здесь не действуют привычные законы природы, представители элиты внешне напоминают предметы, а хорьков выращивают на специальной фабрике, которой руководит жестокий директор. Что это – загробный мир или психоделическая игра ее подсознания? Тем временем родители беспокоятся о пропавшей дочери и нанимают для ее поисков частного детектива Дмитрия Совина.

© Крылова Е. М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Крылова Хорья фабрика

Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир —
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.
Велимир Хлебников. 1908

Пролог

Это была бескрайняя пустыня, способная поразить своими масштабами любое воображение. Сквозь красную потрескавшуюся почву с трудом пробивались жалкие пучки растительности, а подняв взгляд выше, можно было видеть возвышающиеся тут и там каменные утесы нелепой прямоугольной формы. Цвет их, так же, как и цвета земли, был близок к красному, а их рваные очертания напоминали о ничтожности всего сущего перед вечностью и непогодой.

Довершали картину медленно плывущие, ошипанные со всех сторон ветром облака, подсвеченные солнцем такого же красного оттенка. И они, и вся эта пустыня, и время в ней были тягучи и густы, как кисель, поэтому все предметы расплывались, разъезжались и мгновенно трансформировались по-новому.

По пустыне неспешно брела девушка с длинными прямыми волосами цвета пшеницы, к которым стороннему наблюдателю непременно захотелось бы прикоснуться рукой, чтобы ощутить их чарующую мягкость. Одета она была в белое платье с короткой юбкой-тюльпаном, отделанное кружевами, нарядное, но заметно поношенное, а ее не в меру массивные теплые ботинки, которые совершенно не вязались с платьем, пылили по красной земле. Этой девушке не было жарко, ее не мучила жажда, она просто неторопливо, и, по всей видимости, бесцельно шла вперед сквозь сонное марево, превращающее все в дымку.

Ее путь пролегал вдоль полотна железной дороги, которое служило девушке единственным ориентиром. Слой красной пыли, покрывающий темные полосы рельс, свидетельствовал о том, что поезда здесь ходят нечасто.

Но внезапно издалека донесся стук колес, и, спустя какое-то время, окутанный густым облаком, показался черный паровоз, тянущий за собой состав вагонеток. Завидев идущую девушку, машинист начал сбрасывать скорость – девушка поняла это по изменившемуся звуку за своей спиной, а когда паровоз, наконец, поравнялся с ней, она оторвала глаза от земли и посмотрела в кабину. Машинист, управлявший этим составом, практически с ним сливался, поскольку был одет во все черное, а на голове его красовалась шляпа-цилиндр такого же цвета. Но самым странным оказалось то, что рукава сюртука машиниста состояли из текучего вещества и струились двумя неиссякающими густыми реками куда-то вниз, ему под ноги.

Пока девушка находилась в поле зрения машиниста, тот смотрел на нее выжидающим взглядом, но она совершенно не изменила, ни выражения лица, ни темпа походки, и вскоре поезд обогнал ее, скрывшись в густом воздухе пустыни.

Девушка продолжила свое путешествие в гордом одиночестве, но спустя пару часов (а может, пару минут – сложно сказать) ее нагнал другой человек. Это был мужчина в годах, обладающий солидной внешностью, по большей части, благодаря своей полноте. Однако такое строение тела имело и негативные стороны: мужчина тяжело и с присвистом дышал, было видно, что он утомлен долгой дорогой, ведь этот путь ему пришлось преодолеть довольно быстрым шагом. Его тугий живот обтягивал сюртук, сшитый умелыми руками из дорогого бархата, на голове, как и у машиниста, был надет цилиндр, а в руке мужчина сжимал круглые золотые часы, к которым из его кармана тянулась длинная цепочка.

Утирая свободной рукой пот, мужчина взмолился:

– Стойте! Остановитесь, пожалуйста...

Девушка повиновалась и с недоумением устала на толстяка.

Тот поначалу просто молчал, выталкивая нездоровый свист из своих легких, а, когда, наконец, отдышался, серьезно произнес, глядя в ее зеленые глаза:

– Я бежал за вами. Возвращайтесь.

– За мной? – устало спросила девушка. – Но куда именно вы хотите меня вернуть?

– Домой.

– Не уверена, что вы имеете в виду *мой* дом. Здесь все перевернуто с ног на голову, а понятия так же растяжимы, как эта пустыня.

В подтверждение своим словам девушка попыталась поднять с земли камень, который оказался вязким, словно тесто, и сильно вытянулся, но так и не пожелал отлипнуть от почвы.

Мужчина продолжал уговоры:

– Мы так и подумали, что ваш рассудок повредился. Вспомните отца, вспомните окно в его доме, возле которого вас венчали...

– Пф, – фыркнула девушка и зашагала прочь.

Глава 1

Местоположение: 1

Дата: вторник, 22 января 2013 г.

Первое, что увидел Дмитрий Совин, открыв утром глаза – снегопад за окном. Ошеломляюще красивые крупные хлопья снега, словно пепел после войны, ложились на город Долгореченск, принося с собой мертвую тишину.

Дима сделал попытку приподняться на постели, но, едва он оторвался от подушки, его голову пронзила боль. Комната покачнулась, а затем погрузилась во тьму, и, чтобы удержать внутри содержимое желудка, мужчине пришлось лечь обратно.

В комнате было очень тихо, не было слышно даже дыхания Алевтины, которая спала на другой половине кровати, укутанная пышным одеялом, словно летним безмятежным облаком.

Некоторое время Дмитрий так и лежал на спине с открытыми глазами, пугаясь непривычного ощущения вакуума, вызванного практически полным беззвучием. Тишину нарушали только бухающие удары в голове Совина, кажущиеся ему армией какой-то неведомой величественной империи, которая шествовала стройным маршем завоевывать далекие дикие замели.

Внезапно раздавшийся телефонный звонок безжалостно разорвал пополам ватное тело тишины. Резкий звук заставил Дмитрия вздрогнуть, что разбудило в его голове новую волну боли. Он не без труда протянул руку к своему мобильному, лежащему на тумбочке.

– Совин, частный детектив, слушаю, – просипел он в трубку.

От звонка проснувшись Алевтина, не спеша встала с постели, и прошлепала босыми ногами в ванную. Уже на ходу она вспомнила свою вчерашнюю обиду на Диму за то, что он вчера слишком рьяно загулял со своими друзьями детства, и пришел домой только под утро. Из-за того, что ее мужчина не ночевал дома, Алевтина всю ночь не могла спокойно спать, она, то и дело, просыпалась, бросала взгляд на его часть кровати, затем на часы, после чего хваталась за телефон, чтобы в очередной раз выяснить, скоро ли Дмитрий вернется. Тот пьяным голосом убеждал ее в том, что скоро, и не забывал добавлять, как сильно ее любит, чтобы смягчить предстоящую расплату за содеянное. Алевтина ложилась обратно и с грустью размышляла: «Без него не спишь, потому что плохо, и с ним не спишь, потому что хорошо. Видимо, я высплюсь только на том свете».

Пока Алевтина чистила зубы, сквозь плеск воды из комнаты до нее доносился голос Дмитрия. Он старался вести разговор с подчеркнуто-вежливой интонацией:

– Надежда, пожалуйста, не волнуйтесь. В моей практике каждый второй случай похож на ваш, и велика вероятность, что я смогу помочь вам. Скажите, куда подъехать...

Алевтина привыкла к подобного рода общению, поскольку Диме очень часто звонили взволнованные клиенты, но каждого он мог успокоить и вывести на конструктивный диалог. Как считала девушка, пересмотревшая, в свое время, много детективных сериалов, и повидавшая в них множество гениальных сыщиков, Дмитрий являлся весьма посредственным специалистом в своей области. Но это было неважно, главное, что это занятие нравилось ему самому.

Закончив юридический факультет, Дмитрий Совин три года проработал в долгореченской прокуратуре, но этого короткого времени ему с лихвой хватило, чтобы ясно понять, что либо это место не предназначено для него, либо он не создан для тяжелой и неблагодарной работы. Поэтому молодой человек уволился, не испытав ни малейшего сожаления о неудавшейся карьере в органах, и занялся тем, что было ему действительно по душе – частным сыском.

К сожалению, не все дела, за которые он брался, были захватывающими. В основном ему поручали слежку за неверными мужьями или женами, иногда приходилось искать сбежавших из дома подростков, но в таком небольшом городе, как Долгореченск, другого ожидать не сле-

довало. Зато у Совина не имелось конкурентов, а сыскная деятельность приносила ему достаточно прибыли, поэтому он ни на что не жаловался.

Когда Алевтина вернулась в комнату, Дима уже закончил телефонный разговор. Она присела к нему на кровать и стала внимательно вглядываться в его глаза, ожидая извинений по поводу вчерашнего. Дмитрий приподнялся и поцеловал ее, но коротко и немного отстраненно, из чего Алевтина сделала вывод, что мыслями он уже погружен в работу.

– Аль, сделай быстренько покушать чего-нибудь легкого, и я убегаю, – сказал он, растрепав ее по-утреннему спутанные волосы.

Девушка скорчила недовольную гримасу.

– Только не тяни, пожалуйста. У меня новый клиент, – серьезно добавил он.

Алевтина хоть и поселилась у Димы не так давно, но уже успела изучить его поведение в разнообразных ситуациях. Поэтому она отправилась готовить завтрак, поняв, что сейчас бесполезно проявлять свою обиду, и будет правильнее оставить неприятный разговор на потом.

В основном в их недавно образовавшейся паре царило взаимопонимание, которое сложилась во многом благодаря тому, что Дима и Алевтина были знакомы давно, еще со времен учебы на юрфаке.

Правда, в то время Дима не рассматривал Алевтину в качестве своей девушки, и уделял больше внимания Марии, известной своим тяжелым характером и легким поведением. Причем, второе с лихвой компенсировалось первым, поэтому с ней вполне можно было иметь отношения, особенно, если они сводились к удовлетворению физических потребностей. Собственно говоря, только этим Дмитрий и занимался с Машей, не утруждая себя попытками завести с ней хоть какую-то серьезную беседу. Однако тогда он еще не знал, что одновременно с ним эта девушка «обслуживала» еще нескольких парней из их потока, принимая от них за это небольшие, но ценные презенты.

Алевтина же, прекрасно все понимавшая, несколько раз пыталась намекнуть своему однокласснику Диме, что его девушка, мягко говоря, принадлежит не только ему. Совин же упорно отказывался принимать эту информацию за чистую монету, считая, что Алевтина все выдумала, возможно, даже с целью занять место Маши.

Но, теперь вся эта история осталась в прошлом, и Дима уже забыл о своем студенческом романе, как о страшном сне. Сейчас ему было тридцать с небольшим, за плечами толпились воспоминания о бывших подругах, ни с одной из которых ничего не сложилось всерьез. В последнее время, живя с Алевтиной, он начал ловить себя на мысли, что возможно, она, как это называют в сопливых романтических фильмах, «та самая», но старался не делать поспешных выводов.

Справившись с едой, Дмитрий с трудом оделся, стараясь принять как можно более аккуратный вид. Обычно, собираясь по рабочим делам, он добивался того, чтобы его внешность вызвала доверие и располагала к нему людей, но сейчас важно было хотя бы с помощью свежей одежды отвлечь внимание от несвежего лица. Мужчина собрался, поцеловал Алевтину, и со словами «не сучай тут» вышел из квартиры.

За ночь снегопад успел сделать свое дело, и Диме пришлось потратить время, чтобы отчистить машину от мокрого снега. Пока мотор прогревался, он достал свою записную книжку и прочел адрес, который продиктовала звонившая ему Надежда Чернобурова. Ехать следовало на улицу Набережную, и Совин, всю свою жизнь проживший в Долгореченске, отлично знал, что находится она в самом центре. Вот только с номером дома он мог промахнуться, поэтому на всякий случай вбил адрес в навигатор.

Дмитрию повезло не встретить на своем пути ДПС, и равнодушный женский голос навигатора, привел Дмитрия к дому, расположенному на самом берегу реки и построенному здесь в конце позапрошлого века. Совин вошел в просторный, но запущенный подъезд, в котором

стоял запах мочи, а старые стены, уставшие от всего, что повидали на своем веку, были испещрены наскальной живописью из баллончика.

Детектив нажал кнопку звонка, и массивную дверь перед ним открыла миниатюрная приятная женщина в цветастом халате. Ее движения были суетливы, из-за чего ее аккуратно подстриженная темная головка постоянно дергалась и вертелась, а в ушах беспокойно покачивались золотые серьги.

– Наконец вы пришли, для меня ожидание было вечностью, – нервно тараторила Надежда, – проходите. Нет, нет, не стоит разуваться. Ах, вы уже разулись. Тогда вот, наденьте тапочки.

От Дмитрия не укрылось то, как подрагивают руки женщины. Более того, ее глаза были красными и припухшими, что свидетельствовало о немалом количестве пролитых накануне слез. Сейчас, когда детектив пришел к ней, они снова стали наполняться влагой.

Женщина, которая и была той самой Надеждой, пригласила Совина на кухню, и он последовал за хозяйкой по широкому коридору просторной и светлой квартиры.

– Может быть, вы хотите чай или кофе?

– Нет, спасибо, ничего не нужно, – вежливо ответил Дмитрий, усаживаясь за стол и открывая свою записную книжку.

Надежда почему-то осталась стоять, и, немного помявшись, подошла к кухонному шкафу. Оттуда она извлекала початую бутылку армянского коньяка и спросила скромно, словно находясь в гостях:

– А это хотите?

Дмитрий, еще не оклемавшийся от бурной ночи, почувствовал резкую тошноту, но, справившись с собой, улыбнулся женщине.

– Спасибо, но я за рулем.

Надежда потупила взор.

– А вы не против, если я немного...

– Если вам нужно, то ради бога! Я все прекрасно понимаю, стресс...

– Ужасный стресс, – закивала она, доставая рюмку, – как только я осознаю, что с воскресенья ее не было дома, а сегодня уже вторник... Я еще вчера вечером позвонила в полицию, но там меня буквально послали куда подальше, потому что, видите ли, они не начинают поиски раньше третьего дня с момента пропажи.

Дима с жалостью посмотрел на Надежду.

– Вас нещадно обманули, о трех днях в законе нет и речи.

– Я так и знала, никто там не хочет работать. Но вы-то ведь найдете ее?

– Найду, – пообещал Дима, – если вы присядете и все мне спокойно расскажете.

Совин подождал, пока Надежда примет свою успокоительную дозу алкоголя и задал первый вопрос:

– Итак, когда вы в последний раз видели вашу дочь?

– Пропала она в воскресенье, но в последний раз я видела ее в субботу, – на этих словах глаза Надежды вновь заблестели, но стало заметно, что она немного успокоилась. – Если по порядку, то дело обстояло так. В субботу вечером Майя ушла гулять с друзьями, а ночь с субботы на воскресенье она провела у своей подруги. В воскресенье нас с мужем, ее отцом, не было дома, мы ездили в гости к родственникам, но она позвонила нам утром, и сказала, что пришла домой. Вернулись мы вечером, Майи уже не было дома, а ее телефон с того момента был недоступен.

– Как складывались ее отношения с вами и отцом?

– Мы с ней всегда отлично ладили, даже если она и вела себя вздорно, то сама приходила ко мне мириться. В последнее время у нас также не возникало никаких разногласий.

– Как вам кажется, во что была одета Майя, когда в последний раз ушла из дома? Какой одежды не хватает в ее комнате?

– Белого платья. И это меня больше всего беспокоит.

– Поясните, – Дмитрий непонимающе нахмурился. – Это какой-то свадебный наряд?

– Нет, это обычное, немного украшенное кружевами. Но, понимаете ли, в чем дело. Это платье давно надоело ей, она считала его глупым, и в последнее время ходила в нем исключительно дома.

– То есть, никакие причины не могли заставить ее по своей воле выйти в этом платье из дома?

– Именно так, – сказала Надежда, начав всхлипывать, – по своей воле – никакие... К тому же, эта одежда не предназначена для зимы. Правда, в прихожей отсутствуют ее теплое пальто и зимние ботинки, но...

– Я вас понял, – произнес Дмитрий, заканчивая фиксировать эти детали в записную книжку. – В таком случае, могу я осмотреть ее комнату, если она у нее есть?

– Конечно. Идемте! – Надежда резко вскочила с места, и повела за собой Дмитрия все по тому же просторному коридору, но теперь в противоположный его конец.

В отличие от остальной квартиры, по большей части обставленной старой массивной мебелью и антикварными вещицами, комната девушки, напротив, выглядела очень современно. В помещении имелся шкаф-купе и несколько полок на стенах, но большую часть пространства занимала широкая и довольно низкая кровать, застеленная покрывалом. Больше из мебели ничего не было, благодаря этому комнату буквально пронизывал свет, несмотря на то, что за окном стоял серый зимний полдень. Свет в помещение пропускали два высоких окна, расположенных на одной стороне, а между ними к стене было прислонено зеркало, в котором мог увидеть себя в полный рост даже такой высокий человек, как Дима.

– Когда вы вошли в квартиру после пропажи дочери, дверь была закрыта? – спросил Совин.

– Она была закрыта, но на ключ не заперта.

– А вы замечали что-либо необычное?

– Что именно? – не поняла Надежда.

– Я имею в виду, возможно, вы находили какие-то посторонние предметы. Или, может быть, вещи стояли не на своих местах?

– Вы правы, у нас дома все было... не то, чтобы перевернуто, но... Понимаете, как будто кто-то неаккуратно ходил по квартире и задевал предметы.

– То есть, это не похоже на следы борьбы? – уточнил Дмитрий.

– Нет. Просто человек ходил. Знаете, как ходят пьяные?

Совин кивнул.

– Надеюсь, вы оставили все, как было?

– Нет, конечно! – возмутилась Надежда. – Этот бардак я сразу же убрала.

Дмитрию оставалось только молча вздохнуть.

После первого беглого осмотра комнаты Совин извлек упаковку с новыми белыми перчатками и задал вопрос матери пропавшей:

– Вы позволите? Мне нужно все изучить немного более тщательно.

Надежда молча кивнула и деликатно вышла.

Поскольку комната была небольшой, и мебели в ней было немного, ее исследование заняло у Дмитрия не более получаса. Обычно, осматривая жилье пропавших людей, он в первую очередь старался обнаружить хоть какие-нибудь дневники или личные записи, потому что именно они, как ничто другое, могли указать нужное направление поиска. Однако в комнатах юношей и девушек такие вещи теперь попадались редко, поскольку те предпочитали оставлять записи подобного рода в социальных сетях, или же, если не хотели разглашать свои тайны,

в файлах на личных компьютерах. Поэтому, не найдя ничего, написанного рукой Майи, кроме того, что относилось к ее занятиям в институте, Совин поднял с кровати ноутбук девушки. Его он планировал взять с собой, чтобы позже заняться изучением содержимого.

Собираясь уходить, Дмитрий в последний раз окинул взглядом помещение, не надеясь больше обнаружить в нем ничего значимого. Однако нечто из ряда вон выходящее привлекло его внимание и так подействовало на подсознание, что заставило застыть в дверях.

Детектив глубоко вдохнул и выдохнул воздух, после чего еще раз прошелся взглядом по всем предметам, пока, наконец, не понял, что в этом помещении было не так. Вся мебель в комнате была новой и пребывала в хорошем состоянии. Только зеркало портило картину: вся его поверхность была чистой и идеально гладкой, не считая одного места. Дмитрий опустился на пол перед зеркалом, и прямо напротив его лица оказалась неровно выцарапанная на зеркальной поверхности спираль. Рисунок был не очень большим и проявлялся для смотрящего только под определенными углами. Видимо, поэтому никто до этого времени не обратил на спираль внимание.

Дмитрию показалось более чем очевидным, что случайным повреждением эта царапина не является, поэтому, он достал мобильный телефон и на всякий случай сфотографировал загадочный рисунок.

Немного посидев на полу и обдумав увиденное, Дмитрий направился к Надежде, которая находилась на кухне.

– Мне придется позаимствовать это у вас на время, – сказал Совин, показывая ноутбук.

– Если это поможет вам в поисках, то, разумеется, я не против.

– Хорошо. Но на этом мои вопросы не иссякли, – сказал Дима, опускаясь на стул. – Меня также интересует круг общения вашей дочери. Кто ее самые близкие подруги, друзья? Есть ли у Майи молодой человек?

Надежда вздохнула. Стало заметно, что за время пребывания Дмитрия в комнате девушки, она снова предпринимала попытки успокоить свои нервы.

– Парня, насколько я знаю, у нее нет. Но есть один мальчик, его зовут Илья Черун, они с моей дочерью одноклассники и хорошо общаются вне института.

– У вас есть его контакты, чтобы я мог с ним связаться? – спросил Совин, фиксируя в блокнот услышанное имя.

Надежда закивала.

– Да, у меня где-то был записан его номер. Еще я могу дать вам телефон Бургомистровой Жанны, это близкая подруга Майи, еще со школы.

– Не у нее ли случайно ваша дочь ночевала с субботы на воскресенье?

– Именно у нее. Майя по выходным часто там остается. Мы живем в центре, а Жанна – на окраине, в Комсомольском районе, где недавно отстроили новый торговый центр «Гринн», слышали о таком?

Дмитрий утвердительно кивнул.

– В нем много развлечений для молодежи, – продолжала Надежда, – и по вечерам они проводят время там. А чтобы потом не добираться поздно домой, Майя ночует у Жанны, благо до нее из «Гринна» можно дойти пешком за пять минут.

– Я понял. Тогда продиктуйте мне номера Ильи и Жанны, а после я попрошу вас заполнить некоторые бумаги. Это формальности, необходимые для нашего расследования.

***

После посещения Надежды Чернобуровой, Дмитрий вышел из подъезда и сел в автомобиль. К тому моменту его самочувствие немного улучшилось. Он не стал сразу заводить мотор, а немного посидел, бесцельно глядя в одну точку – обычно это помогало систематизировать в голове полученную информацию.

«Что-то эта история совершенно не вписывается в концепцию типичного побега из дома, – думал он. – Либо глубокоуважаемая мама мне чего-то не договаривает».

Пока Совин сидел в машине, снегопад начался с новой силой, и сквозь белые хлопья на улице мелькали черные пуховики случайных прохожих. Все эти люди были ужасно схожи, их походка по скользкому тротуару была одинаково неуверенной, а плечи и головы – опущенными.

«Даже в этом маленьком городе легко потеряться» – подумал Дмитрий, почувствовав как необъяснимая тоска, словно серая бетонная плита, накрыла его с головой. Такое иногда случалось с ним, в основном, в середине или в конце зимы, когда казалось, что холод будет длиться вечно.

Чтобы побороть в себе это неприятное чувство, он решил не тянуть с делами и набрал номер Ильи Черуна. Парень практически сразу взял трубку, и после того, как Дмитрий изложил ему цель своего звонка, согласился встретиться с ним.

– Приезжайте прямо сейчас ко мне домой, – сказал Илья.

– Я думал, вы еще на занятиях, – ответил Совин.

– Нет, сегодня я никуда не пошел, – честно признался молодой человек без малейшего намека на радость по этому поводу.

Дмитрию не пришлось далеко ехать, поскольку одногруппник Майи жил в паре кварталов от нее, в таком же старом доме, с огромными окнами и высокими потолками.

Едва Совин ступил на порог квартиры Черуна, жилистого темноглазого парня с впалыми щеками, из глубины комнат раздался скрежещущий старческий голос:

– Илюша, кто там?

– Ба, да это ко мне! – прокричал ей в ответ Илья, закрывая за Димой дверь.

В ответ прозвучало:

– Нечего тут ходить, гони всех в шею!

– Все нормально, ба, успокойся, пожалуйста.

– Не надо меня успокаивать, – не унималась старушка, – мать с отцом придут с работы, я им расскажу, что ты тут проходной двор устроил.

Илья посмотрел на детектива извиняющимся взглядом, и Совин подметил, что лицо парня, наделенное аккуратными чертами и обрамленное каштановыми непослушными волосами, очень располагает к себе.

– Извините, у бабушки с головой не все в порядке, обычно она добрая, но иногда на нее что-то находит, – оправдывался Илья, притворяя дверь в комнату старушки. – Дед в девяностые кое-как пытался бизнесом заниматься, но куда там! Кончилось тем, что застрелили его, и с тех пор крыша у бабушки не совсем на месте... Пойдемте, наверное, в мою комнату.

Жилище парня по размеру было схоже с комнатой Майи, с тем отличием, что порядка в нем было куда меньше, а все четыре стены были украшены яркими коллекционными постерами, помещенными в рамы. Помимо этого, над кроватью был подвешен череп какого-то крупного животного, по всей видимости, натуральный.

– Это чей? – поинтересовался Дмитрий, присаживаясь на незаправленную кровать, предварительно подстелив под себя краешек пледа.

– Лошадиный, – лаконично ответил Илья, не в силах сдержать улыбку.

Совин улыбнулся в ответ:

– А зачем он тебе?

– Не спрашивайте, я и сам не знаю. Купил его на барахолке за смешные деньги, – пояснил парень, но улыбка с его лица почему-то сразу пропала.

– Давай, может быть, к делу. Когда в последний раз ты виделся с Майей?

– В субботу, днем. Мы немного посидели у нее во дворе.

– Вы встречались с какой-то определенной целью?

– Да нет, просто посидели, поболтали, – произнося эти слова, парень почему-то отвел взгляд в сторону, и это не скрылось от Дмитрия. – Но мы быстро замерзли и решили пойти по домам.

– Ясно. В последнее время не замечал ли ты что-то новое в ее поведении? Не делилась ли она с тобой планами каких-либо поездок?

– Нет, ничего такого.

– А с родителями или знакомыми у нее были конфликты?

– Никогда подобного не было, со всеми она старалась найти общий язык.

Дмитрий с недоверием покосился на юношу. «Все слишком гладко, кажется, мне опять мне что-то недоговаривают», – подумал он и продолжил:

– Прости, но я задам тебе личный вопрос. Вы с Майей просто друзья или ваши отношения несколько иного плана?

Парень покачал головой.

– Между нами ничего нет, кроме дружбы.

Совин замолчал, размышляя над тем, что еще можно узнать у этого немногословного юноши, но Илья на этот раз заговорил первым:

– Майя пообещала, что встретится со мной в воскресенье вечером. Она собиралась отдать мне деньги.

– Какие деньги? – спросил Дима.

Парень издал нервный смешок, но через секунду вновь обрел непроницаемое выражение лица и махнул рукой, в знак того, что ничего серьезного он не имеет в виду.

– Она как-то занимала у меня тыщонку, – ответил Илья, глядя в сторону. – Вот только в воскресенье нам так и не удалось встретиться. Я ждал ее звонка, потом начал звонить сам, но говорили, что «абонент недоступен». Впрочем, как и сейчас...

– Илья, ты знаком с Жанной Бургомистровой?

– Да, видимся частенько.

– У них с Майей очень тесная дружба, как я понял.

– Да они вообще практически не расстаются! Как сиамские близнецы. Поговорите с ней, может, она знает больше.

– Это я и собирался сделать, – подтвердил Дмитрий.

***

Как и говорила Надежда Чернобутова, Жанна жила на отшибе, в районе, состоящем из унылых бетонных коробок, построенных в поздние советские годы. С одной стороны от этих домов находился лес, с другой – промзона, зато, миновав длинные ряды гаражей, можно было выйти к новому величественному торгово-развлекательному центру. Жизнь в нем кипела постоянно, а по выходным туда стекалась значительная часть населения города с целью посорить деньгами.

Когда Дмитрий позвонил Жанне, она находилась на занятиях в институте. На предложение Совина забрать ее оттуда, когда закончатся пары, и заодно по дороге побеседовать, она, усмехаясь, ответила:

– Вы же не рассчитываете, что я, и вправду, сяду к вам в машину?

Приглашать детектива к себе домой Жанна также наотрез отказалась, поэтому они договорились встретиться через час во дворе ее дома.

Дима мечтал, чтобы трудности этого дня поскорее закончились – недосып и последствия веселой ночи давали о себе знать – но приходилось еще потерпеть. Сначала он сидел в машине и занимался тем, что изучал содержимое ноутбука пропавшей Майи. Все ее аккаунты в соцсетях были защищены паролями, поэтому он решил заняться чтением переписок позже, а пока что – просто заглянуть на страницы, принадлежащие ей и ее друзьям. Не найдя ничего интересного,

Совин закрыл ноутбук и снова стал наблюдать за прохожими, в надежде узнать Жанну, когда она будет подходить к дому.

Но он упустил этот момент, и увидел ее, уже выходящую из подъезда навстречу ему. Она практически не отклонилась от назначенного времени, опоздав всего лишь на десять минут, что приятно удивило Диму, привыкшего ждать встреч с нужными ему людьми гораздо дольше.

Девушка выглядела так же, как на виденных им только что фотографиях. Из-под козырька ее бейсболки струились прямые черные волосы. «Первая красotka на деревне», – так мысленно охарактеризовал ее Дмитрий. На фоне таких девочек все их подруги кажутся блеклыми. Хотя, возможно, к Майе это не относится, и, в данном случае дружба двух привлечательных особ только выгодно подчеркивает внешность каждой из них.

В руке Жанны Дмитрий заметил поводок, на котором она держала кого-то очень маленького и юркого. Тельце зверька то извивалось, то стелилось по земле, и он был настолько шустр, что девушке приходилось то и дело перехватывать поводок из одной руки в другую. Совину не сразу удалось понять, что животное это – хорек.

– Хороший зверь, но дикий, – прокомментировала Жанна, заметив повышенное внимание Дмитрия к ее необычному питомцу, – для жизни в квартире он не создан. Все мне перегрыз, что только смог, а еще он ужасно пахучий, и все вокруг этим запахом пропитывается. Мне не дает покоя мысль, что вся моя одежда тоже воняет, иногда так стыдно бывает перед народом, – призналась она.

Дмитрий отреагировал на ее реплику одним лишь кивком и поспешил поскорее направить разговор в нужное русло. Он задал девушке типичный вопрос, который за сегодняшний день не раз прозвучал из его уст:

– Жанна, когда в последний раз ты видела свою подругу?

Черноволосая красавица тяжело вздохнула:

– Это было в пятницу, на лекциях. После института пошли по домам, и на этом все.

Совин слегка опешил:

– В пятницу? Ты уверена?

– Конечно, уверена, вы думаете, у меня проблемы с памятью? Я похоже на склеротичную пенсионерку? – вспыхнула она, не переставая одергивать поводок с вертящимся хорьком.

– Хорошо, хорошо, я не буду спорить. Но, подожди минутку! Получается, что она не ночевала у тебя с субботы на воскресенье? Просто сегодня я услышал именно о таком ходе развития событий.

Жанна опустила взгляд, и Дмитрий заметил, что она пришла в сильное смятение. Девушка как будто пыталась разрешить сложную моральную дилемму.

– Так мы говорили ее маме, чтобы скрыть правду и не заставлять ее волноваться, – наконец вымолвила она, – и я себя сейчас очень виню, что не смогла придерживаться перед вами нашей с ней легенды. Но, раз я начала раскрывать карты, то скажу, что я думаю насчет всей этой истории: мне кажется, именно *он* виноват в ее исчезновении. Он или его семья.

Дмитрий устало покачал головой и потер глаза.

– Объясни все по порядку, прошу тебя.

Жанна сильно понизила голос и очень быстро затараторила, при этом она, сама того не замечая, старалась втянуть голову в плечи, словно это помогало ей сохранить внутри себя хотя бы малую часть разглашаемой ей тайны:

– Майя встречается с мужчиной, который чуть ли не в два раза старше нее. Я понимаю, обычное дело, крутить роман со студенткой, ничего в этом особенного нет. Но не для женатого человека с двумя детьми. Никто из нас, ее подруг, не понимал, зачем она это делает.

– Деньги? – предположил Дмитрий.

– Могу точно сказать, что он хорошо обеспечен. А мы, студенты – народ бедный. Но я сомневаюсь, что Майя брала у него деньги или что-то другое, потому что изменений в ее финансах мы не заметили никаких. Да и не стала бы она.

– И ты считаешь, что этот мужчина или, к примеру, его жена посчитали нужным избавиться от Майи?

– Естественно. Он, между прочим, очень дорожит своей семьей и репутацией честного человека. Поэтому, в случае чего, я думаю, такие как он, поспешили бы убрать любовницу. Или же его жена могла приложить руку, чтобы прекратить их роман... – девушка немного помолчала. – Знаете, я очень боюсь...

Дмитрий заметил, как под козырьком бейсболки в глазах Жанны блеснул неподдельный ужас.

– Давай все-таки вернемся к тому, с чего начали, хорошо? В ночь с субботы на воскресенье Майя была с любовником?

– Да, в каком-то из отелей города. Все их встречи проходили в гостиницах, потому что они постоянно прятались от людей.

– А после той ночи от нее были какие-то вести? – спросил Совин.

– Нет, с пятницы мы не общались, – ответила Жанна, хлюпая носом.

– Хорошо. У тебя есть контакты этого человека?

– Да, у меня есть его номер, – Жанна стала поспешно искать по карманам мобильный телефон. – Пишите, – сказала она, найдя аппарат, – его зовут Сергей.

Дмитрий вбил номер телефона любовника Майи и поблагодарил девушку.

Убирая смартфон в карман, и утирая слезы, Жанна добавила:

– Никак не пойму, зачем ей нужен был этот старикан? Еще Черун не знает об этом романе. Может быть, он смог бы как-то повлиять на Майю, но мне не хватает духу рассказать ему. Еще неизвестно, как он отреагирует.

– Илья? – переспросил Совин. – Они с Майей настолько близкие друзья?

В ответ Жанна фыркнула.

– Друзья, говорите? Да она его френдзонит по-черному.

Дмитрий потряс головой.

– Прости, как ты сказала?

– В смысле, не подпускает близко, но и не отдаляет совсем, вроде как друзья. А он с ума сходит по ней. Вы, что, разве не заметили?

– Жаль, что я не так восприимчив к чужим эмоциям, как это бывает у женщин, – хмыкнул Дмитрий.

При этом он с облегчением подумал: «Так вот почему парень так странно себя вел. А я все думал, с какой стати он прячет глаза?»

***

Дима понимал, что с Сергеем, как с крайне подозрительной личностью, следует вести себя предельно осторожно. В идеале, можно было организовать за ним слежку, но, ни адреса, ни даже фамилии этого человека подруга Майи не знала. Доскональное исследование компьютера пропавшей девушки, которым занимался Дмитрий весь следующий день, также не дало никаких результатов.

«Хорошая у тебя конспирация, друг», – подумал Совин, и, решив идти напролом, набрал номер Сергея.

В трубке раздалось решительное «алло!»

– Здравствуйте. Сергей?

– Да, слушаю.

– Вас беспокоит частный детектив Дмитрий Совин. Я веду расследование по делу пропавшей Майи Чернобуровой, и хотел бы пообщаться с вами...

Сергей резким тоном прервал Дмитрия:

– Я не знаю, кто это. Не звоните сюда больше, – и трубка жалобно разразилась короткими гудками.

Глава 2

Местоположение: 2

Дата: воскресенье, 20 января 2013 г. – понедельник, 21 января 2013 г.

Последнее, что мне запомнилось – грязная дверь, обитая дерматином. Я открываю ту дверь и оказываюсь здесь.

Все, что было до этого момента, словно отгородилось от меня толстым слоем льда, сквозь который никак не удавалось пробиться. Все, что случилось после того, как я открыла дверь, не поддается никакой логике.

В растерянности я рассматривала место, в котором оказалась. Огромное жилище, не то дом, не то квартира, чья утроба окутана мраком. Темнота, царившая там, не казалась чем-то зловещим, напротив, я каким-то образом осознавала, что ее наличие здесь необходимо. Просто этот дом настолько устал от кишасей в нем много лет жизни, что ему очень нужно спрятаться внутри себя же самого.

Продвигаясь практически на ощупь, я зашла в одну из ближайших комнат. Истлевшие шторы были задвинуты не плотно, и слабые лунные лучи пробивались сквозь их лохмотья, немного освещая комнату, что позволило мне оглядеться по сторонам.

В углу, рядом со входом, стояла печь, некогда изящно украшенная бело-синими изразцами, напоминающими морозные узоры. Но со временем часть керамических прямоугольников потрескалась, некоторые отпали совсем, и так и остались лежать на полу, неубранные.

Овальное зеркало, разрезанное трещинами, заключенное в позелененную временем причудливую медную раму, едва заметно отражало мое бледное лицо, перекошенное испугом.

Обои на стенах были в вертикальную полоску, а между полосами кокетливо сплелись узоры нарисованных растений. Во многих местах обои отошли, а с потолка на стены стекали темные пятна плесени, пожирая и полосы, и растения.

Внезапно послышался звук шагов, и по коридору ко мне стал приближаться желтый огонек коптящей свечи. Над ее пламенем я различила слабо освещенное круглое женское лицо, по которому от глаз и рта во все стороны разбегались неглубокие морщинки. Однако они не портили внешность этой женщины, а делали ее лицо довольно добрым и приятным, без слов говоря о том, что в своей жизни она смеялась больше, чем злилась или грустила.

Двигалась женщина ровной походкой, словно плыла по воздуху. На ее плечах колыхалась теплая пуховая шаль, а многочисленные юбки еле слышно шуршали, когда она переставляла ноги или касалась подолом мебели.

– Здравствуй, деточка, – ласково сказала она, ставя свечу на комод. – Хорошо, что ты здесь. Давай, я сама возьму твоё пальто, а то нынче спят все холоуи, не докличешься никого.

Я, все еще не понимая, что происходит, сняла с себя пальто и протянула ей, оставшись стоять в нелепейшем белом платье и совершенно не соотносящихся с ним грубых, но теплых ботинках. При этом, пошевелив пальцами на ногах, я осознала, что носков под обувью нет.

Она куда-то сходила, шустро двигаясь в темноте, и вскоре вернулась обратно.

– Дитя, а почему же ты одна? – спросила дама, как будто опомнившись.

– А с кем же мне быть? – поинтересовалась я.

– Да как же, – удивилась та, – знамо дело, что отец и муж не отпускают тебя одну из дома.

Я в панике стала копошиться в своем мозгу, пытаюсь вспомнить, кто мои отец, муж, и, вообще, семья. Но удалось вспомнить только свое имя – Майя.

– Вот уж неведомо, как ты здесь оказалась, но пока что останешься у меня, – проговорила женщина, нахмурившись. – Ты меня, наверняка, не знаешь, я значить, – Хозяйка этого дома, – продолжила она, уже более веселым тоном, – представила бы тебя и Хозяину, да только вот

нету его. Так давно нету, что я уже потеряла всякую надежду. А без него этот дом тяжело болеет. Хорошо, хоть ты сегодня здесь!

«О чем она? – недоумевала я. – Хозяйка, Хозяин, болезнь... И говорит как-то странно, вроде пытается интеллигентничать, но получается неуклюже. Скорее, провинциально».

Женщина, заметив мой ужас, прервала монолог и всплеснула руками:

– Мать божья, да тебя трясет всю. Сейчас, обожди с минуту, я тебе водицы принесу...

Единственное, что я смогла тихо произнести, было:

– Я умерла?

А что еще тут можно было предположить? Память меня покинула, я не имела ни малейшего представления о своем прошлом, а то, что происходило в настоящем, не поддавалось пониманию и никак не походило на реальность.

Хозяйка уже гремела посудой в другом помещении и вопрос не услышала, а, может быть, просто не захотела отвечать, и мои слова поглотили заплесневелые стены.

Можно было предположить, что все это мне снится, но данную версию я сразу же отбросила. Не знаю, почему, но я отчетливо помнила один важный факт: когда во сне осознаю, что это сон, то сразу же просыпаюсь. Но пока что переходом к яви даже и не пахло.

Вернувшись, Хозяйка протянула мне стакан прохладной воды, который я с благодарностью приняла. После выпитой жидкости стало значительно легче. Почувствовав себя увереннее, и желая ощутить комфорт, я погрузилась в глубокое резное кресло.

– Вот и славно, – сказала женщина, улыбнувшись. – Мака-а-ар! – закричала она куда-то в темноту. – Макар Иваныч! Тащи свечи, сейчас гости понаедут.

В гостиной тотчас же возник молодой человек небольшого роста. С собой он принес два чугунных подсвечника, по одному в каждой руке, поставил их в центре стола и зажег свечи. Желтый свет отразился от его круглых очков. После Макар Иванович несколько раз уходил и возвращался с новыми подсвечниками, которые он расставлял на всех свободных поверхностях. Комната, наполняясь светом, постепенно преображалась, и я, наконец, увидела, какая она огромная. Мягкое теплое освещение сгладило все контуры, а следы разложения этого дома стали менее заметны.

Не заставили себя ждать и обещанные гости. У входа раздался звон колокольчика, Макар неслышно проследовал к двери и вернулся не один – вместе с ним в гостиную вошло нелепое существо. Тело его было вполне обычным, человеческим, оно не выделялось ни толщиной, ни худобой. Зато голову этому гостю заменял лошадиный череп.

– Как чудесно, светлый князь, что вы сегодня первый. Располагайтесь за столом. Может быть, принести вам чего-нибудь, «для сугрева», так сказать? – Макар Иванович хлопотал вокруг гостя.

– Ничего не надо, – невнятно пробурчал «князь», неспешно усаживаясь за стол, – я дождусь остальных.

– Как вам будет угодно-с, – Макар поклонился и вышел, поскольку тут же раздался еще один звонок в дверь.

Гости прибывали один за другим в течение получаса. Следом за князем-конем в гостиной появился человек с нормальным телом и миниатюрной головой, размером с кулак, неуклюже слепленной из разноцветных кусочков пластилина. Также визит Хозяйке нанес гость с огромным вращающимся стеклянным глазом вместо головы, дама с головой, выпеченной из теста и с двумя шариками мороженого в глазницах, мужчина, голову которого заменял шумящий кассовый аппарат, и другие, не менее странные существа. Причем, кассовый аппарат непрерывно отстукивал чеки, исторгая из себя при этом новую порцию ленты. Человек смущенно обрывал выехавшую из его головы бумагу со словами:

– Извините... Простите... Прошу прощения... Мне ужасно стыдно...

Когда все гости, а было их больше десятка, расселись вокруг стола, Макар Иванович обошел их с подносом, ставя перед каждым шампанское.

Хозяйка уселась последней, взяла свой бокал и произнесла:

– Ну, господа, будем здравы!

– Какое тут здоровье, – гнусаво произнес «кассовый аппарат», когда все выпили. – Я намерен так сильно простыл, что насморк скоро сведет меня с ума, – с этими словами он красноречиво оборвал очередной выбитый чек. – Вот видите! Совсем не могу себя контролировать...

Его капризно перебила дама с выпеченной головой:

– Довольно вам, Андрей Палыч. Никакой отрады вас слушать.

– Что ж, любезная Настасья Никитична, может быть, вы потешите нас какой-нибудь своей историей? – отозвался человек-глаз.

– Извольте, – кивнула дама, игриво дотронувшись до прически, сделанной из румяного теста, – это я могу, – и, взяв с подноса, принесенного Хозяйкой, новый бокал, начала рассказ. – Одному моему знакомому очень нравилась одна барышня. И случался за ним такой грешок: каждый раз, проходя мимо ее дома, он позволял себе, как бы ненароком, заглянуть в окошки. А однажды этот господин, совсем осмелев, пробрался в ее спальню и, спрятавшись за портьеру, стал ждать появления объекта своих воздыханий.

Вскоре она вошла, переделалась, но, вместо того, чтобы выйти из комнаты, резко метнулась к портьеру и отдернула ее. Герой моего повествования страшно перепугался, что сей же час будет бит прислугой, однако, барышня не стала кричать или плакать. Она миролюбиво протянула ему новенький шприц, со словами: «Раз ты ко мне питаешь столь нежные чувства, ширнись, милостивый государь. Будем с тобой знакомы».

«За знакомство – грех не ширнуться», – рассудил мой товарищ, и принял любезное предложение, после чего благодатно утратил связь с реальностью. Очнулся же он, будучи распростерт «звездой» на бильярдном столе в доме этой девушки. Одежды на нем не было никакой, а руки и ноги кто-то накрепко примотал веревками, спускавшимися по углам аккуратно к четырем ножкам стола. А немногим позже к хозяйке пришли гости и начали играть в бильярд...

– Какие страсти вы нам всегда рассказываете, Настасья Никитична! – воскликнул «кассовый аппарат», выбивая чек. – Хоть бы постыдились, вы же дама, все-таки.

– А мне нравятся ее рассказы, – возразил человек с пластилиновой головой, – они весьма поучительны. Продолжайте, радость моя, – обратился он к рассказчице, – потешьте нас еще, умоляю вас.

– Как вам будет угодно, – томно ответила она, и продолжила. – Другая барышня, тоже моя приятельница, однажды очнулась в неизвестном месте. И, хотите, верьте мне, судари, хотите, нет, но она была будто бы подвешена в невесомости. Ноги ее не чувствовали твердой поверхности, а руками, сколько не размахивай, невозможно было ни до чего дотянуться. Да и не видно было, куда тянуться – вокруг простирался чернейший мрак. Барышня, ясное дело, растерялась. Она оглядела себя: на ней шикарное алое платье, рубины на шее – ничего не порвано, не осквернено. После этого стала она ощупывать свое лицо, а оказалось, что в кожу, то тут, то там, было воткнуто несчетное количество осколков алого же цвета. И не понятно, что это за осколки, по виду – просто стекло, а на ощупь – холодные, как будто кровь, застывшая на морозе.

– Фи, какой ужас, – пискнула одна дама, сидящая за столом.

– Ну вот, господа, стала мая знакомая осколки из лица вынимать. Тащит их, один за другим, а у самой слезы ручьями – больно было до невозможности. Но как только все вытащила, сразу к ней память вернулась. Вспомнила она, что на празднике кто-то бокал с красным вином уронил, а она не заметила этого, споткнулась и прямо на него и упала.

А когда про бокал вспомнила, то и из комы вышла, в которую ее загнало неудачное падение.

– Чудовищное невезение, – прокомментировал рассказ человек-конь, – люди годами тренируются, чтобы только в кому впасть и больше в этот бранный мир не возвращаться. А барышня ваша, к своему стыду, из нее вышла.

Гости дружно закивали.

Все это время я так и оставалась сидеть в углу, вжавшись в кресло, чтобы быть как можно менее заметной.

«Господи, пусть меня примут за плесень, за ошметки штукатурки или, в конце концов, за мусор, – думала я, – но лишь бы привлечь как можно меньше внимания этих существ».

Но они, поглощенные рассказами «хлебной дамы» даже не думали глядеть в мою сторону, и это вселяло надежду. В какой-то момент, набравшись храбрости, я решилась на отчаянный шаг – убежать из этого дома. Для начала мне нужно было встать с кресла и пройти несколько шагов до двери.

В момент, который мне показался наиболее подходящим, я резко вскочила с места. Но при этом, из полутьмы соседнего кресла, так же шустро поднялся человек, которого я раньше не замечала рядом с собой. Линзы его очков холодно блеснули, и я узнала Макара Ивановича.

– Вы не должны уходить, – твердо сказал он, догадавшись о моих намерениях.

– Я всего лишь хотела взять бокал шампанского, – ответила я, изображив негодование.

– Не утруждайте себя, – сказал Макар подобострастно, но, в то же время, высокомерно. – Я сам вам его подам.

Мне пришлось усесться на место, и через пару секунд я получила из рук Макара Ивановича напиток, пить который мне вовсе не хотелось.

Тогда я обратилась к мужчине с запоздалым вопросом:

– Простите, но кто вы такой, раз вы берете на себя обязанность следить за моими действиями?

– Сударыня, – ответил он, поправляя очки, – я всего лишь секретарь Хозяйки. Не судите меня строго, поскольку я исполняю ее волю.

– Я правильно понимаю, что отсюда меня не выпустят без ее разрешения?

– Милая моя, – он улыбнулся, – мне бы вашу смекалку.

«Похоже, что все-таки умерла, – подумала я о себе, большими глотками вливая в горло кислое шампанское, которое несколько не опьяняло, – потому что это место похоже на ад».

Тем временем Настасья Никитична уже начала новый рассказ:

– Одна моя знакомая ведьма очень любила убивать людей. Каждый день от ее рук погибал какой-нибудь несчастный обыватель. И было у этой ведьмы двое взрослых детей, сын и дочь. Сын был совсем обычным юношей, таких тысяча по улице ходит. Зато свою дочь наделила она даром: каждый раз, как ведьма убивала очередного человека, в руках у девушки появлялся благоухающий букет роз.

Дар, надо сказать, так себе. Толку от него мало. Но ведьмин сын ужасно завидовал сестре, и всю жизнь злился на мать, что не его она способностью такой наградила. И вот, как-то раз ведьма улетела в ночь по своим делам, а ее сын спать не лег – он взял нож и пошел матушку убивать.

Сестра проснулась утром от того, что ладони болят. Посмотрела – а руками она очередной букет обнимает...

Слушатели зацокали языками, а Хозяйка произнесла тост:

– Господа, за родителей мы еще не пили!

В момент, когда зазвенели бокалы, я решила предпринять еще одну попытку бегства. Моя идея была донельзя проста и заключалась в том, чтобы попроситься в туалет, а по пути

туда получить возможность хотя бы немного оглядеть этот дом, продумать пути отступления, и, если будет такая возможность, уйти.

Дай бог, чтобы за дверьми этого маскарада оказался привычный мир, такой серый и такой родной. Странно, что, утратив воспоминания о себе и своем доме, я сохранила представление об окружавшей действительности, о том, как все должно быть устроено. И откуда-то мне известно, что так странно и страшно, как здесь, в нормальной жизни быть не может. Обычные люди, например, так не выглядят. А еще они не общаются между собой в такой старой манере и о таких непонятных вещах. Разговоры обычных людей намного проще и прозаичнее: «Уступайте места пожилым людям, пассажирам с детьми и беременным женщинам». Хотя, нет. Так говорят не живые люди, а электронные.

Но что, если снаружи, за пределами этого дома, все еще безумнее, чем здесь? Что ж, тогда я вернусь в эту гостиную, сяду, чинно сложив руки на коленях, и успокоюсь.

Но пока я капризно окликнула секретаря Хозяйки, с мыслью: «Ну что, друг, исполняешь хозяйскую волю, так исполняй. Иначе она огорчится, и ты впадешь в немилость».

– Макара Иванович, не будете ли вы так любезны, раз уж вы взяли на себя бремя моего охранника, сопроводить меня в уборную? – сказала я, насмешливо подражая языку собравшихся здесь людей.

Лицо Макара не выразило ни капли недовольства, и он хладнокровно ответил:

– Дверь находится справа от нас, милейшая сударыня.

Это был провал. Дверь туалета действительно находилась в той стене, что была по правую руку от меня и секретаря, и, чтобы попасть в уборную, не нужно было выходить в коридор.

Я встала с кресла и направилась туда, куда просилась, несмотря на то, что поход в это место потерял теперь всякий смысл. Зайдя в туалет и закрыв за собой дверь, я в испуге встала, как вкопанная, потому что заметила какое-то движение в унитазе. Там кружился резвый пушистый водоворот, который через пару секунд после того, как я вошла, уже выскочил наружу. В тот момент стало ясно, что длинное тело, покрытое мехом, принадлежит никому иному, как хорьку. И, насколько я поняла, это животное только что чистило унитаз, а теперь оно, закончив свое дело и выбравшись оттуда практически совсем сухим, улеглось на кафельный пол, уютно свернувшись клубком.

Когда я шла сюда, мне совершенно не хотелось выполнять то, что обычно делают в туалете, а сейчас, после увиденного, желания не прибавилось. Постояв там с минуту, я спустила воду, я вымыла руки и вернулась обратно.

«Странная планировка жилья у этой Хозяйки, – подумалось мне, – какой нормальный человек делает туалет рядом с гостиной? Можно списать все на то, что она явно не в своем уме, но я думаю, не в безумии дело. Помещения находятся рядом, возможно, по той причине, что, когда гости не разбредаются по дому, за ними гораздо удобнее приглядывать. Ведь здесь, похоже, не сильно любят, если кто-то уходит далеко».

За время моего отсутствия в гостиной закончили рассказывать истории, и завели разговор на другую тему, по всей видимости, остро-социальную.

– Да, рабочие на сегодняшний день практически совершенно бесправны, – вещал князь с лошадиным черепом, – отношение к ним ужасное, и за людей их уже давно никто не считает, – в порыве ярости он издал короткий резкий звук, отдаленно напоминающий ржание.

– Не могу с вами не согласиться, князь, – подал голос «пластилиновая голова», – однако в плане жестокости по отношению к рабочим никто не может сравниться с директором Хорьей Фабрики.

Печеная дама возбужденно вскинула голову:

– Асфикс Асфиксевич? Я знакома с этим человеком!

– Тогда, любезнейшая Настасья Никитична, вы должны знать, в каких условиях он содержится своих рабочих. Живут они в зловонных бараках, кислород получают в строго отмеренных

дозах, а трудом своим оплачивают только еду и проживание. Больше ничего Асфикс им не дает, за исключением, так называемых, «премий» – по завершению трудового дня каждый рабочий получает по стакану мерзейшего портвейна. Такие вот дела, господа хорошие, – выдохнувшись после произнесения речи, человек с головой из пластилина откинулся на спинку стула.

– Зато, каких замечательных хорьков они выращивают! Подобных им не сыскать на всем свете! – с чувством произнес «кассовый аппарат». – Какими тонкими и гибкими телами они наделены, какая пушистая у них шерсть. Благодаря всему этому они отлично справляются с чисткой унитазов. Бьюсь об заклад, у каждого из вас в уборной живет дивное создание от Асфикса Асфиксеевича. Мне самому он прислал эксклюзивный экземпляр хорька, к которому была приложена фотокарточка с надписью: «Люблю и лобызаю!»

Князь, откашлявшись, произнес:

– Андрей Палыч, боюсь, курьер ошибся адресом...

Все дружно рассмеялись.

Разговоры в гостиной продолжались еще долго, и в те моменты, когда речь гостей становилась неспешной и тихой, я проваливалась в неглубокий сон. То, что мне снилось, не сильно отличалось от событий, происходивших наяву, и было несуразной цветной мешаниной. Когда же до моего слуха долетали резкие возгласы (а иногда ржание и стук кассового аппарата), я, вздрагивая, просыпалась. В ту неуловимую долю секунды, когда случается переход от сна к бодрствованию, и которая часто бывает наполнена сладкими иллюзиями о том, что все хорошо, я подсознательно желала, что, открыв глаза, окажусь в нормальном мире. Но этому не суждено было сбыться. Явно, не сегодня.

Не знаю, сколько часов я продолжала раскачиваться на волнах дремоты, но окончательное пробуждение наступило в тот момент, когда Макар Иванович слегка потряс меня за плечо. Комната на тот момент уже была пуста и окутана тишиной, большинство свечей потухло, остались догорать только два небольших огарка в подсвечнике на столе.

Увидев, что я проснулась, Макар вытянулся в струну и отчеканил:

– Хозяйка приказала отвезти вас в отель. Половина гостей изъявили желание остаться на ночь, так как после обильных возлияний не все сохранили способность двигаться самостоятельно. Вас же некуда устроить на ночлег, поэтому переночуете там.

От мысли, что наконец появится возможность выйти из этого дома, в моей душе зазвучали фанфары, но я постаралась этого не выдать.

– Да пожалуйста, мне все равно, – сказала я как можно более равнодушно.

Макар Иванович ничего на это не ответил, только едва заметно улыбнулся уголками рта. После он развернулся и направился к выходу из комнаты, что следовало расценивать как немое приглашение следовать за ним.

Макар вел меня не тем путем, которым я попала в гостиную. Тогда это был, по всей видимости, какой-то черный ход, а теперь же мы продвигались к главному. Идти приходилось буквально на ощупь, потому что дом все так же пребывал в кромешной тьме. Никакого источника освещения, даже свечного огарка, секретарь с собой не взял, только его узкая спина чернела во мраке, являясь для меня ориентиром в извилистом коридоре.

Когда мы спускались по парадной лестнице, Макар поддерживал меня за локоть, и я старалась как можно более аккуратно ставить ноги. Постоянно приходилось на что-то наступать, и оно неприятно хрустело под моими ботинками.

– Кости это, – пояснил секретарь, – мышинные. Слуги уже давно отказались их убирать, поскольку неблагоприятное это дело. Собираешь скелетики, а мышцы снова дохнут. Да и весь этот дом бесполезно убирать и ремонтировать, потому что разложение идет, и никак его не остановить. Впрочем, все это понимают, и никто ничего не делает, только на перинах лежат, да думы думают.

Находясь в отдалении от своей начальницы, Макар Иванович стал более разговорчив, и я, воспользовавшись этим, решила поддержать беседу:

– Слышала, этот дом болеет из-за того, что в нем сейчас нет Хозяина. Но где же он?

– Да его и не было никогда, – вздохнул секретарь. Хозяйка сама его выдумала много лет назад. И не из-за его отсутствия сей дом больным сделался – то наша Хозяйка на него так влияет, как, впрочем, и на все жилища, где она поселиться изволит. Как только она вместе с прислугой в новую усадьбу въезжает, все подряд в ней начинает разлагаться и плесневеть.

– Кто же она такая? – задала я давно мучивший меня вопрос.

Макар покачал головой.

– Да бес ее знает. Никто об этом ничего не понимает толком, потому что она ни в одном месте надолго не задерживается – исчезнет из одного дома, а в другом тут же появится. Вот только, как исчезнет, приходится мне всюду ходить и искать, куда Хозяйка снова делась. Судьба у меня такая, потому что, если не найду ее, то растворяться начну. Без нее я никто.

Мы спустились с лестницы, секретарь подал мне пальто, и, наконец, распахнулись двери наружу. Крыльцо утопало во мраке не меньше, чем внутренняя часть дома. Меня мгновенно окутало зимним холодом. Шел крупный мокрый снег, и из-за того, что несколько хлопьев попали на кожу, захотелось пить.

Чтобы отвлечься, я огляделась вокруг: дом был небольшой, с коренастыми колоннами, увитыми сухими ветвями вьюна. Строение было доведено до такого плачевного состояния, что было готово вот-вот рухнуть, и казалось, что уже слышится предвещающий трагедию протяжный скрип.

Над нами неярко светил месяц, сотканный из бледного клубящегося дыма. Висел он низко, прямо напротив балкона усадьбы, грустно глядя рогами вниз. Именно он протягивал свои беспомощные лучи в комнаты Хозяйки.

Из-за рассеянного света месяца и крупного снега все было, как в тумане, поэтому я не сразу заметила ожидавший нас экипаж.

– Вот и наше такси подъехало, – объявил Макар Иванович.

«Ничего себе, такси», – подумала я.

Экипаж действительно производил неоднозначное впечатление: в старую шестерку «Жигулей» были запряжены два коня, а на крыше автомобиля, поставив ноги на капот, сидел бородатый извозчик с дымящейся папиросой в зубах.

– Машины у этого перевозчика так себе, – сказал мне секретарь, – да и лошади жалкие, того и гляди, подохнут. Наша Хозяйка эту контору вообще не жалует. Она, когда в свет выезжает, велит запрягать ей в «Кадиллак» тройку крепостных. Вот это я понимаю, поездка! – не без гордости заявил он.

– А почему бы просто не завести автомобиль и не поехать без помощи крепостных и лошадей? – поинтересовалась я.

– Сударыня, простите мою нескромность, но вы – полнейшая темнота. Где же вы возьмете бензин, если американцы сорок лет назад, как была холодная война, последние остатки нефти выкачали? Поставили себе какую-то хитрую установку, и давай наяривать, лишать весь мир запасов, так за год вся нефть и кончилась. Теперь пытаются продавать в тридорога, да нам хоть бы хны, мы теперь все больше на конях и паровозах... Ну что же вы стоите, ей богу? – Макар стоял, держа передо мной открытой заднюю дверцу «Жигулей». – Забирайтесь в экипаж.

Глава 3

Местоположение: 1

Дата: пятница, 25 января 2013 г.

После неудавшегося в среду разговора с Сергеем, Дмитрий Совин весь следующий день пытался снова ему дозвониться, но тот ни в какую не хотел брать трубку, а под вечер вообще выключил телефон. За это время частный детектив успел вдоль и поперек изучить содержимое ноутбука Майи и ее страниц в социальных сетях, но не нашел там никакой значимой информации. Он также сверил отпечатки пальцев, взятые в квартире, с образцами папиллярных узоров домочадцев, а также пробил их по базе, что снова ничего ему не дало. Кроме того, Совин побывал на железнодорожном и автовокзале, где пытался выяснить, не покидала ли город девушка с паспортными данными Майи или хотя бы в такой же странной одежде, как у нее, на что получил отрицательные ответы. По фотографии работники вокзалов также не смогли ее вспомнить.

Пятничным утром, совсем уже отчаявшись и будучи готов сдаться, Совин решил в последний набрать номер Сергея, теперь уже просто для галочки. После второго гудка совершенно неожиданно из динамика донесся металлический голос, интонация которого не сулила ничего хорошего:

– Я, кажется, просил вас больше меня не беспокоить.

В этот момент, несмотря на выдержку Дмитрия, в его груди разорвался огненный шар ненависти к этому человеку, горячая волна прокатилась по всему телу, достигнув пальцев рук и ног, на лбу выступила испарина, и он выпалил:

– А я, кажется, просил вас уделить мне хотя бы немного времени. Тот факт, что вы старательно меня игнорируете, не снимает с вас подозрений, а, скорее, наоборот. Поэтому в ваших же интересах будет рассказать мне всю правду об отношениях между вами и Майей Чернубуровой и в подробностях вспомнить вашу последнюю встречу.

Дмитрий осознавал, что, скорее всего, сейчас он совершает огромную ошибку и ставит под угрозу успех расследования, так грубо разговаривая с этим человеком, личность которого на данный момент является единственной ниточкой к истине. К тому же, как назло, в голове третий день без остановки вещал внутренний голос, нашептывая ему: «Дима, это не простое дело, будь осторожнее, умоляю». Но он ничего не смог с собой поделать, в нем вызвал приступ ярости этот высокомерный двуличный болван, и, будь он рядом, Дмитрий набросился бы на него с кулаками.

Сергей, выслушав его, как ни странно, не сильно возмутился, только произнес, тяжело вздохнув:

– Хорошо, я смогу ненадолго встретиться с вами сегодня.

Совин, не ожидавший такого удачного поворота событий, значительно приободрился и с иронией подумал: «Ну вот, а ты ломался, как школьница».

– Только учтите, – продолжил Сергей, – что у меня очень плотный график, и в течение суток у меня практически не бывает свободных минут.

Про себя Дмитрий продолжил злорадствовать: «Однако ты непостижимым образом находишь время изменять жене со студентками».

Тем временем Сергей размышлял:

– Так... У меня будет возможность уделить вам часок в обеденное время. Давайте договоримся на 14:00, в кафе «Хозяйка». Вы в курсе, где оно находится?

– Я знаю это заведение, – ответил Совин, – до встречи.

Диме до такой степени хотелось сдвинуть дело с мертвой точки, что он вышел из дома за час до назначенного времени, хотя до кафе можно было доехать максимум за 15 минут.

За пределами подъезда его встречало серое небо в обнимку с коричневым снегом. За последние три дня, в течение которых Дмитрий пытался вести расследование, в город ворвался южный воздух, из-за чего неожиданно резко потеплело. Теперь на влажном ветру стали сильнее трепетать размокшие объявления, а стаи ворон – еще суетливее перепрыгивать с места на место. По вечерам они беспокойно галдели, в синих сумерках рассаживаясь на черных ветвях, которые, сбросив с себя снежные покровы, будто бы стали стесняться своей наготы.

Дмитрий быстро пересек на автомобиле промозглый город. Расположившись за свободным столиком кафе, уютно стилизованного под дворянское жилище, он заказал кофе и совершил действие, которое в последнее время стало для него своеобразным ритуалом: набрал номер Майи. Несмотря на то, что девушка почти неделю отсутствовала дома, он не исключал возможности, что она станет доступной для звонка. Однако и в этот раз ответом ему было нарочито-членораздельное сообщение, когда-то произнесенное неизвестной женщиной, и увещательное с помощью записи: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...»

В семь минут третьего, наконец, появился Сергей. Совину пришлось узнавать его только по словесному описанию, которое тот дал утром по телефону, поскольку ни одной фотографии, равно как и упоминания об этом человеке, в компьютере Майи так и не нашлось. Как оказалось, мужчина выглядел очень свежо, молодо и привлекательно, и Дмитрий подумал, что многие девушки, наверняка, захотели бы завести роман с таким человеком не только ради денег.

Сергей уселся напротив Совина, и уставился на него карими глазами, которые не выражали совсем никаких эмоций.

– Выкладывайте, что вы хотите? – обратился он к Дмитрию. – И, кстати, если вас наняла моя жена, то скажите об этом сразу и не морочьте мне голову.

– Еще раз повторяю, – терпеливо ответил Совин, – что я расследую пропажу Чернобуровой Майи. Моим клиентом является отнюдь не ваша супруга, а мать этой девушки. И так уж распорядилась судьба, что вы, возможно, – последний, кто видел ее перед исчезновением.

Сергей сделал заказ у подошедшей официантки, после чего равнодушно сказал, пожав плечами:

– Могу вас заверить, что я не имею никакого отношения к данному инциденту.

Ответ в такой манере натолкнул Дмитрия на мысль, что мужчина не сильно переживает насчет пропажи своей юной любовницы, а, скорее, наоборот, испытывает благодаря этому некоторое облегчение.

– Ночь с субботы на воскресенье мы с Майей провели в отеле «Симфония», – продолжил Сергей, – утром я подвез ее на своей машине, после чего мы распрощались.

– Вы везли ее до самого дома?

– Нет. Мне ни к чему, чтобы мой автомобиль светился в том районе, так как я, по определению, не должен там появляться. Поэтому обычно мы расстаемся на улице Крузенштерна, оттуда она может быстро добраться до дома, срезая путь дворами. Забираю я ее обычно там же.

– Вспомните, пожалуйста, поподробнее вашу последнюю встречу, – попросил Дима.

Сергей тут же вспылил:

– Я что, обязан вам докладывать, что и в каких позах мы делали? – спросил он с кривой ухмылкой.

Дмитрий не поддался на провокацию:

– Меня интересует совсем другое. Не вела ли она себя как-то странно или нервно? Может быть, была обижена на кого-то, или вы ее чем-то задели?

– Наоборот, мне показалось, что Майя в тот раз была в приподнятом настроении.

– Она не поделилась с вами поводом для своей радости?

– Нет. Я вообще всегда бываю мало осведомлен о ее повседневных делах.

– А вообще, какой характер носят ваши отношения? Кем Майя является для вас, я, кажется, понял. Но как она относится к вам? Быть может, влюблена?

Тем временем, Сергею подали салат, и он начал задумчиво ковырять его вилкой.

– Вряд ли. Мы виделись, в основном, по ночам, и большего она не хотела, ни от меня, ни от кого-либо другого. Я могу ее понять, она молодая студентка, любит веселье и тусовки. Зачем ей сейчас серьезные отношения?

Совин немного помолчал, размышляя над тем, куда могла исчезнуть такая легкомысленная тусовщица, как описал ее Сергей. Да куда угодно! Беспокоит только то, что этому еще и могли поспособствовать.

– Скажите, а ваша семья могла каким-то образом узнать о Майе? – задал Дмитрий вопрос, навеянный размышлениями.

– Маловероятно. Я все тщательно скрывал, в том числе, отслеживал, чтобы ничего не засветилось в соцсетях, потому что, в противном случае, мог бы попроситься со своей репутацией. Я не последний человек в городе, мне проблемы ни к чему. Но она, слава богу, ничего лишнего не публиковала.

– Спасибо, Сергей, – поняв, что его вопросы иссякли, Совин встал и подал мужчине руку. Тот ответил на рукопожатие, не забыв, с обворожительной улыбкой, предупредить:

– Учтите, если что-либо дойдет до моей жены, я до вас доберусь и вырву вам язык.

Дмитрий широко улыбнулся в ответ:

– Безусловно, Сергей, все останется в тайне.

***

Было ясно как божий день, что любовник Майи не относится к категории людей, готовых рассказать незнакомому человеку, пусть даже детективу, подробности своей частной жизни – это Дмитрий понимал еще до встречи с ним. Также он осознавал, что ни этот человек, ни любой другой (может быть, за редким исключением) не станет, совершив преступление, каяться в содеянном. Поэтому к ответам Сергея, которые были крайне сухими и сдержанными, он отнесся скептически, и решил продолжать «разрабатывать» его как главного подозреваемого. Правда, готовясь к этой встрече, Совин надеялся, что она обеспечит его хоть какими-то существенными зацепками, однако этого не произошло.

Место, где он только что побывал – кафе «Хозяйка» – имело совсем крохотную парковку, которая, к тому же, располагалась крайне неудобно – у главного входа в заведение. Туда же выходили все окна зала, поэтому Дмитрию, пока он сидел за столиком один, удалось подметить, на какой машине прибыл Сергей. Теперь Совин, выйдя из кафе, обратил внимание на ее номерной знак, а, сев в свой автомобиль, записал его для верности. После, прогрев машину, Дима отъехал подальше от окон кафе и набрал своего хорошего знакомого из ГАИ:

– Алло, Юрец! Привет. Пробей, пожалуйста, номерок, с меня, как обычно...

Юра пообещал узнать данные владельца машины, но предупредил, что эта просьба не будет выполнена сиюминутно, поскольку в данный момент он сильно занят. Дмитрий ответил, что это не принципиально, главное, что теперь он узнает об этом мужчине немного больше, чем одно только имя.

Закончив разговор, Совин зарулил в один из тихих двориков, для того, чтобы немного подумать. Пока ему не сообщили данные Сергея, нужно было предпринять что-то еще. Он вспомнил, что тот в разговоре упомянул название гостиницы, где он проводил ночь с Майей – «Симфония», и решил, на всякий случай, посетить это место.

Название «отель» для небольшого двухэтажного заведения, с несколькими десятками номеров, пожалуй, было слишком пафосным. Однако этот дом был благородной старинной постройки, что предавало ему немного солидности и шарма, а постоянно текущие трубы, и осыпавшаяся штукатурка на лестнице было делом десятой важности.

Кстати, город Долгореченск никогда и не нуждался в крупных отелях, поскольку эта местность не представляла никакого интереса для туристов. В здешних гостиницах останавливались на ночлег либо командированные работяги, либо молодожены по завершению торжества, либо обеспеченные мужчины, дабы вкусить прелести продажной любви. Одним из приютов для всех этих категорий граждан был, в том числе, отель «Симфония».

На входе посетителей встречала вывеска, стилизованная под золото, на которой прописными извивающимися буквами обозначалось название заведения. Слева от надписи, такой же золотистый, блестящий и китчевый, был изображен рояль.

Бросив недокуренную сигарету в стоящую у дверей урну, Дмитрий вошел в отель. За стойкой ресепшена сидела девушка с бейджиком «Милена», лицо которой, как говорится, не было обезображено интеллектом.

– Чем могу помочь? – спросила она без намека на улыбку.

Видимо, эта барышня считала, что очевидная красота может с лихвой компенсировать полное отсутствие доброжелательности на лице. Хотя, скорее, всего, она ни о чем не думало вообще.

Дмитрий, подавив смешок, ответил:

– Милая девушка, я очень нуждаюсь в вашей помощи, – Милена, не привыкшая к такой форме обращения, недоуменно вытаращила глаза, – Буквально на днях в вашем отеле останавливались двое моих хороших друзей. И, вы представляете, они забыли в номере зарядку для телефона. Без этого устройства, сами понимаете, жить проблематично... Вы бы мне сказали, в каком номере они останавливались, а я сам схожу и заберу...

По выражению лица девушки стало заметно, что та пришла в смятение, не зная, как следует поступить, но, стараясь скрыть это, надменно подняла брови.

– Мужчина, мне запрещено разглашать сведения о наших постояльцах.

Совин хотел было достать бумажник, извлечь оттуда несколько голубых купюр и таким образом перевести разговор в более мирное русло, но вовремя заметил глаз видеокамеры, смотрящий из-под потолка прямо на него. Хотя он знал, что в большинстве случаев, за событиями, транслируемыми системой видеонаблюдения, никто не следит, но решил перестраховаться.

– Тогда будьте добры, позовите ваше руководство.

Милена, недоверчиво покосившись на детектива, подняла трубку, набрала короткий внутренний номер и быстро проговорила:

– Вадим, подойди, пожалуйста, тут тебя спрашивают.

Через минуту перед Дмитрием предстал молодой человек, одетый в белую, слегка помятую рубашку, с волосами, слишком усердно уложенными на косой пробор. Совин продублировал ему свою просьбу, на что получил аналогичный ответ:

– Сожалею, но я не могу разглашать эту информацию.

Дима, поняв, наконец, что без этого не обойдется, со вздохом выудил на свет свою лицензию на осуществление частной детективной деятельности, которую он все время носил с собой.

Вадим, взяв ее в руки, открыл рот, чтобы возмутиться, но, вникнув в смысл написанного, сглотнул слюну, и спокойно произнес:

– О ком вы хотите узнать? Только учтите, мне не нужны неприятности.

– Ничего страшного не случится, – заверил его Дмитрий, – мне нужно знать, в каком из номеров останавливались в ночь с 19-го на 20-е января Майя Чернобурова и некий Сергей, чьей фамилии я пока что не знаю. И, если сейчас в этой комнате никто не проживает, я хотел бы осмотреть ее.

Молодой человек полистал журнал посетителей и сообщил:

– Той ночью у нас гостила всего одна лишь пара, и мужчину точно звали Сергей. Они снимали комнату номер 1, как это не парадоксально.

Совин изумился:

– Правда? Так просто... И, честно говоря, я всегда считал, что большинство заведений предпочитают не вести счет комнатам с самой первой. Для солидности. Обычно номера начинаются, как минимум, с сотого.

– У нас так, – Вадим равнодушно пожал плечами и взял с крючка ключ с цифрой «1», – пойдемте, вы же хотели посмотреть. Как раз, после Сергея и той девушки там никто больше не жил.

Дмитрий возликовал в душе – решив ехать сюда, он и не смел даже надеяться на такую удачу.

– Кстати, про эту парочку, а именно про девушку, на днях уже спрашивал один, – добавил Вадим.

Совин насторожился.

– Кто?

– Понятия не имею, какой-то парнишка, худенький такой, темный.

«Илья? – задался вопросом Дмитрий. – Решил искать подругу самостоятельно?»

Номер оказался простым и чистым, аскетично обставленным, без излишеств и изыска. Кровать, шкаф, тумбочка, на которой одиноко лежала синяя ручка, затертый ковролин на полу, белые стены, над кроватью – репродукция картины, которая вобрала в себя все прелести русского пейзажа: белые березы, тонкая речка, перекинутый через нее горбатый мостик.

«Какая идиллия», – с тоской подумал Дмитрий, и вдруг его глаза опустились ниже, на стену, где, сделанная шариковой ручкой поверх белой штукатурки, красовалась странная надпись.

– А это еще что такое? – Совин с недоумением повернулся к стоящему поодаль Вадиму.

Но тот был шокирован не меньше, его фигура была неподвижна, и только по зрачкам было ясно, что он снова и снова пробегает взглядом по написанному на стене выражению: « $\infty + 1 = \infty$ ».

– Ну что за люди, – наконец произнес он, – зачем это нужно было делать?

– Кто это написал? – спросил Дмитрий.

– Понятия не имею, – в голосе Вадима читалось раздражение. – Когда те двое, о ком вы спрашивали, выехали отсюда, стена была чистой, я лично проверял! Не было печали, теперь придется штукатурка вызывать...

Но Дмитрий пропустил причитания администратора мимо ушей, потому что перед его глазами, вспыхнуло одно отчетливое воспоминание.

Чуть не сбив с ног Вадима, Совин резко развернулся, выскочил из номера, промчался по коридору, а затем через холл отеля, крикнув на ходу неприветливой девушке Милене «Спасибо!», в ответ на что она даже не повела бровью. Пулей вылетев на улицу, он запрыгнул в еще не остывшую машину, завел ее, и помчался по знакомому адресу на Набережную улицу.

Ему пришлось долго нажимать на кнопку звонка, прежде, чем дверь ему открыла Надежда, с мокрыми спутанными волосами завязывающая халат.

– Я никого не ждала, – оправдалась она, – и вы не предупредили по телефону. Мне скоро уходить...

Дмитрий, взбудораженный долгим ожиданием у двери, проигнорировал ее слова и выпалил:

– Конспекты! Дайте мне их!

– Что? – не поняла Надежда. – Конспекты Майи? Институтские?

– Да, – кивнул Совин. – Позвольте, я сам...

Мать девушки поняла, что будет проще дать детективу разбираться самому, чем требовать объяснений, и посторонилась, пропуская его в комнату Майи.

Осматривая это помещение в прошлый раз, Дима запомнил, где девушка хранит конспекты лекций, и теперь без проблем нашел их. Также в тот раз ему врезалось в память то, что Майя обладала весьма своеобразным почерком: вершины букв сверх меры скруглялись и, вопреки правилам, были направлены в левую сторону. В свою очередь, надпись на стене, только что увиденная им в отеле, была выполнена в той же странной манере.

Дима начал листать записи девушки, хотя уже на первой странице он окончательно убедился в том, что почерк совпадает, и даже цифра «1» в лекциях была похожа на ту, что была на стене: с такой же засечкой внизу. Поэтому он вскоре бросил это занятие, схватил тетради с лекциями, и, ничего не объясняя Надежде, выбежал вон из квартиры.

– Что вы узнали? – озабоченно крикнула она ему вслед, но в этот момент за ним уже захлопнулась подъездная дверь.

***

«Майя, да ты, похоже, где-то совсем рядом, раз возвращалась в номер отеля, чтобы дать о себе знать, – так размышлял Дмитрий по дороге домой. – Вот только никак не могу взять в толк: то ли ты, малолетняя дурочка, играешь с нами, то ли, наоборот, пытаешься таким образом подать сигнал бедствия.

Надо заметить, что выражение, написанное тобой на стене, совершенно верное. Я забыл многое из школьной и институтской программы, но арифметические действия с бесконечностью я, кажется, еще помню. В том числе и тот факт, что если к бесконечности прибавить единицу, снова получится бесконечность. Только что же стоит за этими значениями?

Номер комнаты, в которой ты останавливалась – 1, но я не вижу смысла прибавления этого числа к чему-либо.

Возможно, ты обозначила единицей саму себя, тогда второе число может являться... хм-м... бесконечным количеством людей? Ты могла сказать тем самым, что, уйдя из дома и оставшись одна, ты растворилась среди огромных людских масс. «Прибавила» себя к ним, затерялась в толпе, чтобы в итоге получить все ту же бесконечность.

Кроме того, символ лемниската (кажется, так называется эта закорючка ∞) можно еще трактовать как метафорическое обозначение смерти. Эта перевернутая восьмерка вполне может быть олицетворением человеческого жизненного цикла – все мы появляемся неизвестно откуда и уходим в неведомые нам дали, и не исключено, что, умирая, мы начинаем жизнь по новому кругу.

Так к чему же я пришел с такой трактовкой? К тому, что Майя с помощью знака «+» сообщает всем о готовности причислить себя к мертвым? Да, не самая веселая версия».

Тяжело ступая, Дмитрий добрался до своей квартиры и открыл дверь. Дома было тихо, все утопало в синем сумеречном свете, только в спальне теплилась жизнь – там на кровати, уютно обложившись подушками, полулежала Алевтина с ноутбуком на животе.

– Ты уже? – спросила она с улыбкой, не отрывая, тем не менее, взгляд от монитора.

– Аль, как ты считаешь, что в мире может быть бесконечным? – сказал он вместо ответа, стягивая с себя переставшую быть свежей одежду.

Девушка, так толком и не переключив внимание, отстраненно ответила:

– Ну, если верить ученым, то пространство и время во Вселенной. Вроде бы. А что?

Совин почесал затылок. Таких умозаключений от Алевтины он, явно, не ожидал услышать.

– Да так, ничего. Снова непонятно.

– Насчет чего?

– Точнее, понятно, но только то, что девчонка, которую я ищу, как будто растворилась в этом самом пространстве-времени.

Переодевшись, Дмитрий пошел на кухню, там ждала его уже остывающая еда, которая была тут же отправлена в микроволновку. Не отрывая взгляд от вертящейся в СВЧ тарелки,

напоминающей вошедшую в образ актрису в свете софитов, Дмитрий задумчиво закурил. Он сел на стул, пододвинул к себе пепельницу в форме черепа, который Димины друзья любезно преподнесли ему на прошлый новый год, и в его голове что-то щелкнуло.

– Череп. Лошадиный... Надо позвонить Илье.

Когда номер был набран, и парень произнес «алло», Совин решительно сказал:

– Илья, привет! Нужна твоя помощь. Скажи, что в мире может являться бесконечным?

– Что за странный вопрос? – удивился Черун.

Дмитрий устало потер переносицу.

– Лучше ничего не спрашивай, просто скажи первое, что придет в голову – неправильного ответа быть не может.

– М-м-м... – задумчиво протянул Илья, и, немного помолчав, выдал, – лента Мебиуса.

Она, вроде бы, похожа на тот знак.

– Хорошо, а еще есть догадки? – мужчина уже пожалел, что позвонил Илье.

– Вообще, изначально, знак бесконечности – это схематичное изображение змея Уробороса, который кусает свой хвост. Нарисовали этот символ какие-то умники в незапамятные времена, и подразумевали под ним, как принято считать, цикличность природы: рождение – смерть – рождение, и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.